

М. В. Шкаровский

Подвиг мученичества и исповедничества Александро-Невского братства (по архивным документам 1930-х годов)

Одним из самых значительных братств в истории Русской православной церкви было существовавшее в 1918–1932 гг. в Петербурге (Ленинграде) Александро-Невское братство. Оно было создано при Александро-Невской лавре и включало как насельников обители, так и наиболее активную и преданную церкви часть мирян «северной столицы». В годы антирелигиозных гонений братство представляло собой духовный стержень жизни епархии. Деятельность его членов была очень разнообразна: богослужebная, духовно-просветительная, благотворительная, научно-богословская, образовательная и др. История братства завершилась в 1932 г. его разгромом ОГПУ. При этом в ходе следствия и последующего заключения большая часть братчиков проявила мужество и стойкость. След, оставленный Александро-Невским братством в истории Русской церкви, был заметным для всего XX в., ни из одной другой общественной церковной организации не вышло такое большое количество архиереев, несколько его членов прославлены в лике святых.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Александро-Невское братство, антицерковные репрессии, мученичество, исповедничество.

Одним из самых значительных братств в истории Русской православной церкви было существовавшее в 1918–1932 гг. в Санкт-Петербурге (Петрограде, Ленинграде) и возрожденное в 2008 г. Александро-Невское братство. Оно было создано при Свято-Троицкой Александро-Невской лавре и включало в свой состав как насельников обители, других священнослужителей, так и наиболее активную и преданную церкви часть мирян «северной столицы». В тяжелые годы антирелигиозных гонений братство представляло собой духовный стержень жизни Петроградской

(Ленинградской) епархии. Деятельность его членов была удивительно разнообразна: богослужebная, духовно-просветительная, благотворительная, научно-богословская, образовательная и др. Несколько членов братства были прославлены в лике святых. Ни одна другая церковно-общественная организация в XX в. не дала такое большое количество будущих архиереев Русской православной церкви. Современная деятельность возрожденного братства также очень активна и разнообразна.

Полная трагизма и жертвенного служения Всевышнему история Александрo-Невского братства завершилась в начале 1932 г. Его судьба была predeterminedена развернутой кампанией массовых арестов священнослужителей и, прежде всего, монашествующих. Главный удар по еще проживавшим в городе монахам органы ОГПУ нанесли в так называемую «святую ночь» с 17 на 18 февраля 1932 г. Ее краткое описание имеется в автобиографической книге А. Э. Краснова-Левитина:

...Наступила светлая и страшная дата, страстная пятница русского монашества, никем не замеченная и сейчас почти никому не известная — 18 февраля 1932 г., когда все русское монашество в один день исчезло в лагерях. 18 февраля в Ленинграде были арестованы: 40 монахов из Александрo-Невской Лавры... 12 монахов Феодоровского собора, 8 монахов из «Киновии», отделения Александрo-Невской Лавры за Большой Охтой, монахов и монахинь из различных закрытых обителей, живших в Ленинграде, — около сотни. Всего 318 человек. Была арестована и привезена в Питер вся братия Макарьевой пустыни... Все были отправлены в Казахский край. Из всей этой массы знакомых мне людей вернулось только трое [*Краснов-Левитин, 222*].

Правда, воспоминания историка не совсем точны. Общее количество арестованных в ночь с 17 на 18 февраля составляло около 500 человек, в том числе более 40 членов Александрo-Невского братства. Но даже такая массовая акция не смогла охватить всех монашествующих Ленинграда. В течение двух последующих месяцев агенты ОГПУ выявляли уцелевших монахов и представителей белого духовенства и мирян, связанных с братством или монастырями, арестовав еще около 200 человек [*Дело П-77238*].

Сохранил А. Э. Краснов-Левитин и драгоценные воспоминания об одной из последних служб в главном храме братства:

Я помню день 11 февраля 1932 г. Воскресенье. Я был у обедни в верхнем храме Феодоровского собора. Литургию совершил настоятель архимандрит

Лев. Это была неделя о мытаре Закхее. И после литургии отец Лев говорил на тему воскресного Евангелия. Рассказав о Закхее, влезшем на дерево, чтобы увидеть Христа, архимандрит сказал: «И мы, чтобы видеть Христа взбираемся на высокое дерево, терпим многие лишения и несчастья. Чтобы видеть Христа, мы терпим многие муки...» А через несколько дней, 18 февраля, всю братию Федоровского собора арестовали. Из них, кроме Серафима Гаврилова, не вернулся никто. Все погибли в лагерях — взошли на высокое дерево, откуда виден Христос! [*Краснов-Левитин, 207–208*].

Накануне арестов органы ОГПУ как минимум несколько месяцев вели наблюдение за членами братства с помощью своих агентов — некоего о. Константина из Нового Петергофа и др. Поэтому вооруженные группы были отправлены одновременно по десяткам адресов. На Конной ул., 8 арестовали восемь сестер, в Серафимо-Дивеевском подворье Старого Петергофа — пять сестер, иг. Варсонофия (Веревкина) и иеродиак. Нектария (Панина), на квартире у о. Льва (Егорова) по адресу пр. 25-го Октября, 156-8 — самого архимандрита и проживавших в то время с ним Е. А. Арскую и А. Афанасьеву, в квартире о. Вениамина (Эссена) — его самого и ночевавших там же иером. Сергия (Ляпунова) и молодого послушника Льва Полякова. Были разгромлены несколько небольших общин сестер — на Растанной ул., 26-8, где проживали пять братчиц — Н. Н. Павинская, А. Е. Баланович, ее мать, сестра и Н. А. Мемнонова, на Гончарной ул. и др. На квартире старшей сестры одной из таких общин пенсионерки Пелагеи Ивановны Григоращенко агенты ОГПУ кроме хозяйки случайно арестовали иеродиака. Афанасия (Карасевича). Осенью 1931 г. он, как лишенный избирательных прав, был призван в армию в качестве трудармейца и с того времени отбывал трудовую повинность в 16-м отдельном батальоне спецстроя на ст. Дибуны Финляндской железной дороги. На выходные дни иеродиакон приезжал в Ленинград и 17 февраля остался ночевать у Григоращенко. На арест о. Афанасия ордера не было, но агенты, пришедшие за Пелагеей Ивановной, забрали и его.

Этой одноразовой акцией аресты не закончились. 13 марта 1932 г. были арестованы еще несколько активных членов братства — проживавшие вместе на пр. 25-го Октября, 173-5 Клавдия Селюгина и Ольга Волкова, духовная дочь о. Льва Вера Клочкова и др., в том числе иером. Серафим (Суторихин). Избежав первой волны арестов, он заменил о. Вениамина (Эссена) и до 13 марта вместо него служил настоятелем церкви Тихвинской иконы

Божией Матери в Лесном. В своих воспоминаниях Н. А. Мещерский так писал о задержании о. Серафима:

Когда началось наше дело, он случайно избежал ареста. Он числился приписанным на Правом берегу Невы вместе с о. Серафимом Ляпуновым, но его тогда не было дома. Он остался на некоторое время на свободе и только через месяц был схвачен (14 марта 1932 г.). Он был вызван на Гороховую, 2 и там был сходу схвачен и препровожден в камеру [Мещерский, 40].

Все арестованные в ночь с 17 на 18 февраля были разбиты по нескольким отдельным следственным делам, в среднем по 50 человек в каждом. Лишь в отношении Александро-Невского братства органы ОГПУ сделали исключение, сфабриковав огромное дело почти на 100 человек. Оно подразделялось на две части, каждая из которых имела свое обвинительное заключение. Первое было составлено на 41 человека, арестованного в Ленинграде, а второе — на 51 человека из «филиалов» братства на периферии, в том числе на 7 членов петергофской общины, 4 монахинь и послушниц из пос. Вырица и 40 насельников Макариевской пустыни.

Этот монастырь, хотя и имел связи с Александро-Невским братством, никогда его «филиалом» не был, но реальная картина мало интересовала следственные органы. Вся братия обители во главе с настоятелем архим. Никифором (Тихоновым) и проживавшим в монастыре на покое схиеп. Макарием (Васильевым) была привезена в ленинградский Дом предварительного заключения (ДПЗ). 9 мая 1932 г. президиум Леноблисполкома вынес решение о закрытии трех церквей пустыни, «учитывая постановление колхозов и Пельгорского совета о ликвидации монастыря, как места скопища антисоветского элемента, и обращения зданий в культурно-просветительные учреждения, необходимые для обслуживания местного населения» [Дело 431. Л. 6 об.]. Так оказался уничтожен последний действующий монастырь епархии.

Вырицкие монахини были связаны с братством только тем, что их окормлял архим. Лев (Егоров). В конце Первой мировой войны в дачном поселке Вырица под Петроградом открылось подворье Успенского Моквинского (Кавказского) женского монастыря. Оно размещалось в двух деревянных зданиях на Саратовской ул., в одном из которых в 1918 г. была освещена церковь Успения Пресвятой Богородицы. Насельницы подворья неоднократно под-

вергались арестам и к 1932 г. их осталось всего шесть человек. Они зарабатывали на жизнь, стирая белье, возделывая огороды, работая на почте и т. п. В конце 1920-х гг. часть монахинь присоединилась к иосифлянам, и их окормлял служивший тогда в Успенском храме иером. Пафнутий (Акиншин). Но четырех насельниц о. Лев удержал от отделения от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского).

Правда, осенью 1931 г. епархиальные власти запретили архимандриту ездить в Вырицу к своим духовным дочерям, что вызвало их коллективное обращение к благочинному архим. Алипию (Ивлеву) 10 октября 1931 г. [*Дело П-68567. Т. 3. Л. 373–375 об.*]. Ходатайство помогло, и архимандриту разрешили снова приезжать в Вырицу.

18 февраля в доме на Саратовской ул., 6 были арестованы четыре насельницы Успенского подворья — Мария Трофимовна Артемьева, Пелагея Степановна Мануйлова, Татьяна Петровна Петрова и Матрена Дорофеевна Дорофеева. Все они обвинялись в чтении Евангелия, на которое приглашали местное население, и проведении бесед на религиозные темы, якобы сопровождавшихся антисоветской агитацией. Вырицких сестер после ареста также привезли в Ленинградский ДПЗ, где несколько недель подвергали допросам [*Дело П-68567. Т. 1. Л. 250–260*] ¹.

Основные же аресты, как уже отмечалось, прошли в Ленинграде. Описание их имеется в воспоминаниях Н. А. Мещерского:

В пятом часу кончился обыск, разрешили мне попрощаться с матерью, и мы пошли. В эту ночь было так много арестов, что машин не было. И мы пошли пешком по 10-й линии к набережной, на набережной он остановил первую же машину, проезжавшую там... нас с охранником посадили в кузов (гепеушник сел в кабину) и повезли в ДПЗ на улицу Войнова... Там была первичная регистрация, отбирали недозволенные вещи — из разговоров сотрудников я понял, что арестовано 500 человек (они говорили, что нужно заготовить 500 порций завтрака). Регистровали нас комсомольцы — активисты и активистки, добровольцы. Отправили меня в общую камеру № 9 на 3-м этаже. Все там было забито до отказа. 18 коек — 60 человек. Когда я туда попал, там еще спали, и мне пришлось стоять несколько десятков минут, потому что негде было ни лечь, ни сесть. Спали на койках, под койками, между койками [*Мещерский, 103*].

1. См. об этом также в статье В. В. Антонова [*Антонов, 107*].

Следствие по делу братства проводилось в ускоренном порядке. «Контрреволюционная деятельность» его членов представлялась следователям очевидной без необходимости добывать какие-либо серьезные доказательства. Поэтому допросы арестованных чаще всего проводились один-два раза и лишь в исключительных случаях трижды. Допрашиваемые вели себя по-разному. Некоторые давали обширные показания о себе и своих знакомых, стараясь убедить следователя, что ничего антисоветского в их образе жизни не было. Другие говорили лишь о собственных поступках и убеждениях. Некоторые же вообще отказывались сообщать какие-либо сведения.

Отца Льва (Егорова) допрашивали дважды — 29 февраля и 2 марта. На вопрос о политических убеждениях он ответил: «Стараюсь не мешать строительству социализма. Не сочувствую антирелигиозной политике советской власти». Архимандрит вообще отрицал существование братства, говоря, что оно распалось в 1922 г. Отрицал он и сбор средств в Феодоровском соборе для помощи ссыльным, а также все другие обвинения. Лишь после предъявления ему на втором допросе фотографии хора правого клироса собора он сообщил некоторые имена изображенных на ней, заявив, что остальных духовных детей назвать отказывается [Дело П-68567. Т. 2. Л. 7–11].

Очень мужественно вел себя иером. Сергей (Ляпунов). На единственном допросе 29 февраля он бесстрашно заявил следователю: «Деятельность моя носила характер чисто религиозный, а потому называть имен своих знакомых не могу, так как считаю это противным моей совести. Дополнительно могу сказать, что в церкви, в евангелии есть законы, которые выше законов государственных. Эти Божьи законы в некоторых случаях оправдывают неподчинение государственной власти и, в частности, в данном случае — советской в лице ОГПУ» [Дело П-68567. Т. 2. Л. 63]. Лидия Мейер сказала, что из своих знакомых по братству назвать никого не хочет. Впрочем, подобным образом вели себя многие. Например, Тамара Шилинг заявила: «Из лиц, знакомых мне по совместному участию в хоре назвать никого не желаю» [Дело П-68567. Т. 4. Л. 392].

Архимандрит Варлаам (Сацердотский) выбрал другую линию поведения. Он сообщил много фактов из истории братства, стараясь доказать следователю, что политической деятельностью оно никогда не занималось. В частности, на допросе 28 февраля архимандрит заявил: «Хотя и являлся с 1929 г. руководителем

“братства” и общежития на Конной, я в своей деятельности не допускал ничего враждебного Соввласти и допускал руководство нелегальными религиозными организациями лишь потому, что не знал о противозаконности этого» [*Дело П-68567. Т. 2. Л. 25*].

К сожалению, очень обширные и в изложении следователя тенденциозные показания дал на трех допросах — 25, 29 февраля и 9 марта 1932 г. Н. А. Мещерский. Позднее Никита Александрович так вспоминал о методах дознания, применяемых к нему следователем Н. Н. Волковым:

Он мне рассказал, что он сотрудник института этнографии и занимается этим по совместительству, его интересует современное состояние религии. Он мол де хочет говорить как коллега с коллегой. Начал он с того, что застучал кулаком и закричал: «Говори, кто тебя постригал!» Я ему сказал, что я не монах, и что меня никто не постригал, и требовал, чтобы он не кричал, а то я не буду говорить. Он переменял тон, разговаривал вежливо, но все время были подвохи... На втором допросе он вел себя иначе. Предложил папиросы, чай с конфетами. Мне задал несколько вопросов малосущественных. Потом говорит: «У нас серьезная проблема, нам надо очистить Ленинград от людей, которые могут нам всадить нож в спину. Мы хотели бы, чтобы Вы нам помогли». Я ничего не ответил. В третий раз: «Я вижу, что Вы не разоружились. Значит, Вам придется поехать, хоть и недалеко (но я уже предвидел свою будущую судьбу). От того, как Вы будете себя вести, будет зависеть кара — будете ли Вы отвечать как один из руководителей, или только как привлеченный» [*Мещерский, 105*].

В ходе допроса арестованный аспирант выделил среди членов братства «два течения» — последователи архимандритов Гурия (Егорова) и Варлаама (Сацердотского) — «наиболее фанатично и контрреволюционно настроенные» и духовные дети о. Льва (Егорова) — «признающие компромиссы и даже лояльные наружно к советской власти». Охарактеризовал Н. А. Мещерский и основные направления деятельности братства перед разгромом:

1. Организация богословского просвещения молящихся путем церковных богослужений сугубо уставного характера и специальных проповедей.
2. Подготовка богословски образованных церковных кадров путем индивидуальной и групповой обработки верующих, особенно молодежи.
3. Подготовка и организация тайно монашествующих для укрепления церкви и подготовки священников, которые не были бы связаны семьей.
4. Организация самодеятельности верующих путем устройства общенародного пения во время

службы, специальных хоров и т. д. 5. Организация материальной и моральной помощи высланному духовенству [*Дело П-68567. Т. 4. Л. 279*].

В тайном монашестве следственные органы обвиняли не только Н. А. Мещерского, но и чуть ли не каждого арестованного по делу братства мирянина, даже если тот имел семью. Так, например, Николаю Киселеву «инкриминировали, что будто бы он — тайный монах. Он говорил: “У меня есть дочь, я женат”. А они: “Это мимикрия”» [*Мещерский, 51*]. В качестве служащего железной дороги Николай имел льготный проезд в летний отпуск, ездил в другие города, где встречался с различными священнослужителями. Так, например, в Москве он виделся с еп. Мануилом (Лемешевским) и еп. Питиримом (Крыловым), в Твери — с архим. Николаем (Муравьевым-Уральским), в Белеве — с еп. Игнатием (Садковским) и его братом иером. Георгием, в Киеве — с архим. Еρμοгеном (Голубевым) и схиархиеп. Антонием (Абашидзе), а в Витебске в 1928 г. навещал архиеп. Гавриила (Воеводина). Возвращаясь из поездок, Николай Киселев делился впечатлениями с членами братства [*Дело П-68567. Т. 2. Л. 101*].

Узнав о его встречах, следственные органы были очень довольны. Они явно пытались сфабриковать дело влиятельной контрреволюционной организации, которая по их замыслу должна была иметь широкие внутрисоюзные и международные связи. В обвинительном заключении подчеркивалось: «Через соответствующие монашеские подворья в Ленинграде “братство” было связано с различными монастырскими центрами за пределами области. (Через Киевское подворье с киевскими монахами, Афонское — с Кавказом (Ново-Афонский монастырь))». В этой связи следовательно обратили особое внимание на кавказские поездки архим. Варлаама (Сацердотского), а также показания архим. Алипия (Ивлева), что послушать «талантливые проповеди» иером. Вениамина (Эссена) в Тихвинскую церковь приходили «польские ксендзы» [*Дело П-68567. Т. 2. Л. 85, 453*].

Выявление связей членов братства с международной контрреволюцией казалось работникам ОГПУ особенно важным. Так как в действительности что-либо подобное полностью отсутствовало, за соответствующие связи были выданы чисто научные заграничные контакты двух близких к Александрo-Невскому братству профессоров — энергетика и математика Николая Михайловича Егорова (он по делу 1932 г. осужден не был), а также известного ботаника Василия Васильевича Марковича, который в 1917–1921 гг. работал

директором Сочинской опытной станции, а затем до 1925 г. заведующим ботаническим отделом Сухумской опытной станции. В 1921 г. он тайно принял монашеский постриг в рясофор в Симоно-Кананитском мужском монастыре на Новом Афоне, а в 1922 г. был тайно пострижен в мантию с именем Нестор.

Переехав в 1925 г. в Ленинград В. В. Маркович стал работать научным сотрудником Всесоюзного института растениеводства. В 1926–1928 гг. он находился в продолжительной заграничной командировке, изучая субтропические культуры в Китае, Индии, Японии, Палестине и на острове Ява. При этом Василий Васильевич два с половиной месяца жил на Святой Земле в подворье Палестинского православного общества и «на религиозной почве» познакомился там с главой Русской духовной миссии архиеп. Анастасием (Грибановским). Общался профессор в различных странах и с другими русскими эмигрантами, но по его заявлению на следствии «политического характера эти встречи не имели». Так, например, в японском городе Нагасаки он познакомился с женой белогвардейского атамана Семенова и один раз был у нее на квартире по вопросам «религиозно-философского характера». Этот факт следствие не постеснялось изобразить, как знакомство В. В. Марковича с самим атаманом Семеновым. В «белогвардейском» свете была представлена и встреча в Лионе с председателем «Русского студенческого христианского движения», через которого профессор опубликовал в изданиях этой организации несколько своих религиозных работ [*Дело П-68567. Т. 2. Л. 454–455; Антонов, 108*].

В обвинительном заключении В. В. Маркович был также (наряду с архим. Львом) назван «идеологом и обоснователем тайного монашества». Это далеко не так, хотя взгляды профессора со временем претерпели определенную эволюцию. Еще до революции он придерживался идей христианского социализма, а в 1924 г. написал «Устав христианской сельскохозяйственной трудовой общины», который позднее считал устаревшим и непригодным. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. В. В. Маркович писал новые церковные уставы, толкования Евангелия, жития святых, а также подготовил и устав тайного монашества, основные пункты которого гласили:

1. Тайное монашество есть вынужденный путь христианского спасения в условиях советской действительности.
2. Идеалы тайного монашества те же, что и явного.
3. Тайное монашество не может быть мыслимо вне связи с право-

славной церковью. 4. Постриг и пребывание в монашестве держится в стражайшей тайне. 5. Тайный монах не должен менять своего светского облика и отставать от культурного роста страны [*Дело П-68567. Т. 2. Л. 48, 446*].

Эти идеи профессора были близки архим. Льву (Егорову), с которым В. В. Маркович дружил и давал ему свои заметки для подготовки проповеди в Страстную седмицу. Поддерживал монах Нестор отношения и с другими членами братства, хотя в число его руководителей (как считали следственные органы) никогда не входил. Профессор тщательно скрывал свое монашество, при этом подолгу жил в Макариевской пустыни и помогал материально арестованным верующим, например, профессору А. И. Бриллиантову.

Под влиянием В. В. Марковича тайный постриг принял только один человек — его помощница — лаборантка института растениеводства Нина Александровна Дмитриева. В 1929 г. она была пострижена в рясофор в Александро-Невской лавре архимандритом Феодосием. На следующий год Н. А. Дмитриева поехала в научную командировку в Сухуми и Новый Афон, где встречалась с тайными монахами Александром (Левицким), Трифоном, Артемием и Тамарой Ивановой. По совету своего духовного отца монахиня Нина хотела уехать в Палестину и поступить там в Горенский женский монастырь, используя планируемую научную командировку в Яфу. В связи с этим планом уже было послано письмо в Иерусалим архиеп. Анастасию (Грибановскому) и получено его согласие, но командировка не состоялась. Хотя Н. А. Дмитриева была в ходе следствия «изобличена как активный член Александро-Невского братства», она практически имела к нему мало отношения [*Дело П-68567. Т. 2. Л. 447, 454; Антонов, 108*].

Впрочем, по делу братства оказалось арестовано и осуждено еще несколько не состоявших в нем людей, в частности, проживавшая в Александро-Невской лавре и присутствовавшая на тайном постриге Нины монахиня Милитина (Клавдия Федоровна Постникова) — тетья архим. Феодосия. Кроме нее в число членов братства без особых оснований зачислили четырех проживавших на Феодоровском подворье монашествующих — упоминавшегося архим. Алипия, иеромонахов Авделая (Кирпаня), Никандра (Чубаровского) и иеродиак. Павла (Вихрова). Так, архим. Алипий являлся благочинным, имел около 120 духовных детей и лишь один раз служил в общине на Конной ул. и также однажды по назначению митрополита — в Петергофской общине сестер.

В обвинительном заключении об о. Алипии говорилось следующее: «Убежденный монархист и член “Александро-Невского братства”. Один из организаторов помощи высланному за к.р. деятельность духовенству, в проповедях призывает к борьбе с Соввластью, которую называет дьяволом, наполняющим землю. За период деятельности в Федоровском храме организовал вокруг себя группу молодых монахов из быв<ших> людей. Участвовал на заседаниях руководителей братства» [Дело П-68567. Т. 2. Л. 77, 78, 457]. Иером. Авделай и иеродиак. Павел были названы бродячими проповедниками, в последнее время примкнувшими к братству, хотя о. Авделай служил в Федоровском соборе непрерывно с 1916 г., а о. Павла назначил в этот храм в октябре 1931 г. Ленинградский митрополит Серафим (Чичагов).

Первоначально проведенные в ночь с 17 на 18 февраля аресты вообще захватили довольно много случайных людей. Среди них были не имевшие отношения к братству старые члены приходского совета Федоровского собора — работники Октябрьской железной дороги Г. А. Маркеев и А. П. Петров, обычная прихожанка храма посудомойка Ирина Тимофеева и т. д. Все они, а также семь арестованных членов братства, против которых не нашли достаточно улик (Елизавета Коренева, Лев Поляков, Анастасия Кушлю, Александра Грацианова, Лидия Мейер, Тамара Шилинг и Ольга Пушечникова), были освобождены в марте 1932 г. без предъявления обвинения.

В отношении остальных 92 человек следствие длилось лишь около месяца, и 15 марта 1932 г. начальник Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе И. Запорожец утвердил обвинительное заключение на первую группу арестованных в области монашествующих, а 19 марта на основных активистов братства в количестве 41 человека. По подсчетам органов следствия из них 26 происходили из дворянства и чиновничества, а 6 из духовенства; 14 имели высшее образование и еще 21 окончили гимназии или патриотические школы; 18 обвиняемых являлись монахами и монахинями (в том числе тайными), большинство имело возраст от 25 до 40 лет. Отсюда следовал вывод, что «в социальном отношении организация представляла собой ярко выраженное сочетание враждебных революции церковно-монархических элементов из среды различных общественных прослоек и групп, потерявших в революцию свое привилегированное положение» [Дело П-68567. Т. 2. Л. 440–441].

Суть обвинительного заключения сводилась к стремлению представить братство в виде мифической контрреволюционной организации, которая якобы со времени своего создания в 1918 г. непрерывно вела активную борьбу с советской властью. Это ясно сказано в конце документа: «...доказано, что “братство” в настоящее время, как и в первые годы своего существования, являлось передовым отрядом церковной контрреволюции, указывая православной церкви пути борьбы против пролетарского государства в условиях периода социализма» [Дело П-68567. Т. 2. Л. 455].

По версии следствия деятельность организации развивалась в следующих направлениях:

1. Насаждение тайного монашества как религиозно-политической силы в советских учреждениях, вузах и колхозах;
2. Организация тайно монашеских женских и мужских общежитий — «коммун»;
3. Создание церковных кадров и богословское воспитание молодежи;
4. Организация систематической материальной и моральной помощи репрессированному за к.р. духовенству;
5. Организация связей в различных областях СССР, а также за его пределами в среде церковников-белогвардейцев. В основном деятельность организации сводилась к объединению под религиозным покровом монархически настроенных элементов и созданию из них воинствующего ордена «истинно-православных людей» по типу «Союза Михаила Архангела» с прямым подражанием наиболее деятельным и реакционным орденам римско-католической церкви [Дело П-68567. Т. 2. Л. 436–437].

В этих обвинениях реально существовавшая (но отнюдь не антисоветская) деятельность сочеталась с откровенным вымыслом вроде создания воинствующего ордена, да еще по католическому образцу. Резко преувеличивалась степень организованности братства, которое представлялось жестко централизованной структурой с постоянным руководством и строжайшей дисциплиной. Во главе организации якобы стояла мифическая «пятерка», а в целом «руководство носило деспотический характер с элементами не только контрреволюционной направленности, но и изуверства». Отмечался также «исключительный прозелитизм» членов братства, благодаря которому состав организации к 1932 г. значительно пополнился учащейся молодежью [Дело П-68567. Т. 2. Л. 440, 441, 443].

Открытого суда не было. 22 марта 1932 г. выездная комиссия Коллегии ОГПУ вынесла подсудимым приговор — от лишения права проживания в Ленинграде и Ленинградской области

на 3 года до 10 лет лагерей. К максимальному сроку наказания были приговорены архимандриты Лев (Егоров), Варлаам (Сацердотский), иеромонахи Сергей (Ляпунов), Вениамин (Эссен), Авдей (Кирпань), игум. Варсонофий (Веревкин) и монах Нестор (Маркович), к 5 годам лагерей — архиеп. Гавриил (Воеводин), иером. Серафим (Суторихин), иеродиак. Афанасий (Карасевич), некоторые наиболее активные братчицы — Вера Киселева, Ольга Костецкая, Вера Клочкова, Анастасия Аристова, Ольга Нелидова, Мария Маракушина, Наталья Хаккевец и др. Остальные в большинстве были осуждены на 3 года лагерей или ссылку на такой же срок в Казахстан. Из осужденных было сформировано несколько этапов — в Темниковский лагерь, Сиблаг, Карагандинский, Беломоро-Балтийский лагеря и Свирлаг. Н. А. Мещерский вспоминал, что вместе с ним 13 апреля на берега р. Свирь повезли отцов Серафима (Суторихина), Афанасия (Карасевича), Павла (Вихрова) и Николая Киселева, а уже 17 апреля их всех отправили на работу по сплаву леса [*Мещерский, 107–108*].

В дальнейшем, в 1937–1938 гг., многие братские отцы и миряне — члены братства были расстреляны. Среди них: архиеп. Иннокентий (Тихонов), архим. Лев (Егоров), архим. Варлаам (Сацердотский), братчицы Екатерина Арская, Кира Оболенская и др.

Даже после разгрома 1932 г. Александро-Невское братство не исчезло полностью. При поселившемся после освобождения в 1933 г. в Средней Азии архим. Гурии (Егорове) возникла община его духовных детей — братчиков и братчиц, насчитывавшая около 20 человек и просуществовавшая в «катакомбах» до середины 1940-х гг. Большинство членов общины позднее приняло монашеский постриг [*Зегжда*].

Избежавшие репрессий и оставшиеся в Ленинграде члены братства уже не собирались вместе и не занимались организованной благотворительностью, хотя в индивидуальном порядке продолжали помогать арестованным за веру, а также обучать детей Закону Божию. Они поддерживали друг друга морально и материально, старались хранить верность братским правилам и берегли память о своих погибших в лагерях духовных отцах [*Антонов, 112*].

Несмотря на жестокие репрессии, братские отцы все же во многом смогли воплотить в жизнь одно из своих стремлений — в условиях гонений подготовить новых молодых священнослужителей Русской православной церкви. Четверо братчиков стали архиереями: Иоанн (Вендланд) — митрополитом Ярославским и Ростовским, Леонид (Поляков) — митрополитом Рижским и Лат-

вийским, бывший иподиакон архиеп. Гавриила (Воеводина) Никон (Фомичев) — архиепископом Пермским и Соликамским, Михей (Хархаров) — архиепископом Ярославским и Ростовским. Еще три будущих архиерея имели определенное отношение к братству: архиепископ Вологодский и Великоустюжский Михаил (Мудьюгин) — через свою мать Веру Николаевну Мудьюгину — активную братчицу, а митр. Волгоградский и Кашинский Герман (Тимофеев) и еп. Можайский Стефан (Никитин) — через их духовного пастыря владыку Гурия (Егорова). Последним из членов братства 22 октября 2005 г. скончался архиеп. Михей. Он до конца дней хранил светлую память об Александро-Невском братстве.

Таким образом, след, оставленный Александро-Невским братством в истории Русской православной церкви в XX в., был достаточно заметным: ни из одной другой общественной церковной организации не вышло такое количество архиереев Московского патриархата.

На заседании Священного синода Украинской православной церкви Московского патриархата от 22 июня 1993 г. по ходатайству Харьковской епархии был прославлен в числе новомучеников и исповедников Слободского края архиеп. Иннокентий (Тихонов). Определением Священного синода Русской православной церкви от 7 мая 2003 г. к лику святых были причислены архим. Лев (Егоров) и две братчицы — Екатерина Андреевна Арская и Кира Ивановна Оболенская. Собираются материалы для прославления и других членов братства. Сейчас память о новомучениках в северной столице возрождается. В помещениях церкви иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» на Шпалерной ул. в начале 2004 г. был устроен Музей новомучеников Санкт-Петербургской епархии, часть экспозиции которого посвящена мц. Екатерине Арской, дочери ктитора этого храма А. П. Уртьева. День памяти этой новомученицы (17 декабря) стал особым праздником Скорбященской церкви и совершается с торжественностью храмовых дней.

Еще один Музей новомучеников планируется устроить при возрожденном недавно петербургском соборе Феодоровской иконы Божией Матери, последним настоятелем которого служил о. Лев (Егоров). 28 марта 1998 г. рядом с собором был освящен новопостроенный храм святых новомучеников и исповедников Российских, в котором пребывают иконы прославленных членов братства. В стенах Александро-Невской лавры в январе 2017 г. открылось воссозданное древлехранилище, часть музейной

экспозиции которого посвящена петербургским новомученикам XX в. Но главным событием стало возрождение при Лавре Александро-Невского братства.

В работе публикуются несколько документов из следственного дела братства 1932 г., хранящегося в Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. При публикации в тексте документов без оговорок исправлены очевидные ошибки, опечатки, искажения, при необходимости они оговариваются в подстрочных примечаниях. Заголовки документов составлены автором работы, их даты даны по новому стилю. Тексты публикуемых материалов приводятся, как правило, полностью, в отдельных оговоренных в заглавии случаях — в выдержках. Раскрываемые сокращения и конъектуры заключены в квадратные скобки.

Публикация документов

№ 1

Из протоколов допросов
архимандрита Варлаама (Сащедотского)
28 февраля и 7 марта 1932 г.

<...> В 1922 г. от митр. Вениамина я принял монашеский постриг и поступил в Крестовую церковь Александро-Невской Лавры. Мое участие в руководстве существовавшим при церкви «Александро-Невским братством» заключалось в том, что я после ареста Гурия и Льва Егоровых, а также Иннокентия Тихонова, осуществлял руководство «братством» до своего ареста, последовавшего в начале 1924 г. Деятельность «братства» заключалась в: 1) организации церковной строго уставной службы; 2) организации хора; 3) организации занятий по Закону Божию с детьми; 4) организации богослужебного воспитания юношества и собраний, на которых ставились читка евангелия и писаний святых, с последующим толкованием.

Касаясь характеристики политической физиономии «братства», должен заметить, что у значительной части членов его антисоветские настроения вытекали из несогласий с антирелигиозной политикой. Конечной целью членов руководимого мною «братства» было духовное самоусовершенствование путем полной преданности церкви. Наиболее религиозно настроенные члены «братства» организовали монашеские общежития, целью которых было подготовить себя и жить иноческой жизнью, оставаясь в миру. К таким общежи-

тиям монашеского типа относятся общежития на Конной д. 8 и в Петергофе, где предполагалось открыть монашеское подворье. Правила жизни в общежитиях сводились к: 1. совместной молитве, 2. общей коммунальной жизни и 3. воздержанию от общения с миром.

После ареста Гурия Егорова и последующей его высылки руководство остатками «братства» пало на меня. Общее количество братчиц и братьев к тому времени, то есть к 1929 г. составляло не более 50 человек. Из них я помню: Киселев Николай Николаевич, Дмитриев Петр Васильевич, Мещерский Никита Александрович, Тихомиров Иван Александрович, Хаккевец Наталия Густавовна, Шувалова Анна Ивановна, Семенова Мария Александровна, Николаева Татьяна Ивановна, Волкова Ольга Петровна, Селюгина Клавдия Савельевна, Нелидова Ольга Георгиевна, Григоращенко Пелагея Ивановна, Ольгунова Пелагея Ивановна, Афанасьева Александра Николаевна, Веерт Анна Эдуардовна, Никитина Лидия Александровна, Соколова Зинаида Дмитриевна, Оболенская Кира Ивановна, Аристова Анастасия Яковлевна, Баланович Александра Евстихиевна и другие, имена и фамилии которых упомнить не мог. Деятельность «братства» в этот период заключалась в устройстве хоровых спевков и организации хора в Федоровском храме. Кроме того, осуществлялась помощь высланному духовенству путем сборов денег, вещей и отправки посылок. После ареста Шмидт отправкой посылок заключенным ведала Костецкая Ольга Иосифовна.

Для воспитания членов в монашеском духе рекомендовалось посещение монастырей, как Макариевская пустынь и Сергиева пустынь. О всей деятельности «братства» было известно Льву Егорову, который являлся настоятелем Федоровского храма, и без его благословения в храме ничего не могло совершаться. Однако установки мои и Гурия Егорова в методах воспитания верующих отличаются от установок Льва тем, что наш с Гурием метод монашеский, Лев же Егоров, не возражая принципиально против монашества, находит возможным его существование, не уходя от современной светской жизни, то есть не меняя светского облика. С 1929 г. по настоящее время деятельность нашего братства в основном ни в чем не изменилась. Хотя я и являлся с 1929 г. руководителем «братства» и общежития на Конной, я в своей деятельности не допускал ничего враждебного Соввласти и допускал руководство нелегальными религиозными организациями лишь потому, что не знал о противозаконности этого <...>.

К 1932 г. руководимое мною «Александро-Невское братство» распалось на части. Одна помещалась на Конной, остальные члены сконцентрировались в Федоровском соборе, в Лавре, в Киновии и в Лесном. Общежитием на Конной я руководил после ареста архимандрита Гурия, к остальным членам «братства» имел отношение постольку, поскольку они исповедовались у меня. Другой формы связи не было. Общежитием в Петергофе я не руководил, бывал там только на праздниках, то есть два-три раза в год. Хотя «братство» не представляло ко дню моего ареста строго централизованной организации, все же его жизнедеятель-

ность проявлялась: а) в общинной жизни; б) в уставных богослужениях; в) в хоровых спевках; г) в организационной помощи заключенным, главным образом прежним руководителям «Александро-Невского братства»; д) в помощи больным материальной и моральной; е) в организации посещения монастырей. Руководителями братства в это время были кроме меня Лев Михайлович Егоров и Вениамин (он же Эссен Владимир Михайлович) <...>.

Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. Архивно-следственных дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 24–27. Подлинник.

№ 2

Протокол допроса иеромонаха Сергия (Ляпунова)
29 февраля 1932 г.

Деятельность моя носила характер чисто религиозный, а потому называть имен своих знакомых не могу, так как считаю это противным моей совести.

Дополнительно могу сказать, что в церкви, в евангелии есть законы, которые выше законов государственных. Эти божьи законы в некоторых случаях оправдывают неподчинение государственной власти и, в частности, в данном случае советской в лице ОГПУ.

Ляпунов.

АУФСБ СПб ЛО. Ф. Архивно-следственных дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 63. Подлинник.

№ 3

Протокол допроса Мейер Лидии Александровны
12 марта 1932 г.

Я — духовная дочь Варлаама (Сацердотского). До этого была духовной дочерью Гурия Егорова. В общежитии на Конной я жила с 1924 по 1930 год. Так как я была по своим настроениям более близка к монашеству и спорила с сестрами, как себя держать во время пения — я от них ушла вместе с Марией Шмидт. Заключенным я помогала мало, так как еле хватало, чтоб помочь отцу. В Киновии я служу регентом бесплатно, и пела до ареста «сестер» вместе с ними. Из своих знакомых по «братству» назвать никого не хочу. Сама я занималась частными уроками музыки с детьми, но религиозной пропаганды вести возможности не представлялось. С Гурием Егоровым я нахожусь в постоянной переписке, хотя в последние месяцы получала от него ответы очень редко. О подпольной деятельности «братства»

показать ничего не могу, так как постоянно бываю только в Киновии. Бывала я в Петергофе у «сестер», где кроме меня бывала Соколова Зинаида. О других показаниях давать отказываюсь.

Л. Мейер.

АУФСБ СПб ЛО. Ф. Архивно-следственных дел. Д. П-68567. Т. 4. Л. 428–429. Подлинник.

№ 4

Из обвинительного заключения
по «делу Александро-Невского братства»
19 марта 1932 г.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

СПО ПП ОГПУ в ЛВО ликвидирована существовавшая в г. Ленинграде и его окрестностях тщательно законспирированная церковно-монархическая организация под названием «Александро-Невское братство».

К моменту оперативной ликвидации организация находилась в стадии полного организационного оформления, имела выработанные программы деятельности в городе и деревне и насчитывала в своих рядах около 100 активных членов, преимущественно из среды черного духовенства, родовитой аристократии и буржуазной интеллигенции.

Организация ставила себе целью объединение верующих, создание общественного движения против советской власти путем систематической антисоветской пропаганды и создания сети нелегальных ячеек, как в городе Ленинграде, так и в провинции.

Деятельность организации развивалась в следующих направлениях:

1. Насажение тайного монашества, как религиозно-политической силы в советских учреждениях, вузах, колхозах;
2. Организация тайно-монашеских женских и мужских общежитий — «коммун»;
3. Создание церковных кадров и богословское воспитание молодежи;
4. Организация систематической материальной и моральной помощи репрессированному за к. р. духовенству;
5. Организация связей в различных областях СССР, а также за его пределами, в среде церковников-белогвардейцев.

В основном деятельность организации сводилась к объединению под религиозным покровом монархически настроенных элементов и созданию из них воинствующего ордена «истинно-православных людей» по типу «Союза Михаила

Архангела» с прямым подражанием наиболее деятельным и реакционным орде- нам римско-католической церкви².

Во главе организации стояли ближайшие помощники, расстрелянного в 1922 году за к. р. деятельность митрополита Вениамина, неоднократно привлекавшие- ся органами ОГПУ и отбывавшие разные сроки лишения свободы — архимандрит Егоров Лев Михайлович, архимандрит Сацердотский Варлаам Михайлович, ие- ромонах Эссен Владимир Михайлович (сын адмирала Эссена, он же монах Вени- амин), профессор ботаники Маркович Василий Васильевич (он же тайный монах Нестор) и другие.

По делу привлекаются 92 человека, из них 41 по гор. Ленинграду, остальные по филиалам организации на периферии (см. обвинительное заключение Ленин- градского Оперсектора ОГПУ по делу № 279 — 32 г.)³.

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

«Братство по защите святынь Александро-Невской Лавры» как церковно-полити- ческая организация возникло в 1918 году, в ответ на призыв «Всероссийского Цер- ковного Поместного Собора» — «организовать сопротивление большевикам». С первых дней своего существования по настоящее время «братство» в более или менее развернутом виде выражало наиболее враждебные революции тенденции православной церкви, меняя методы контрреволюционной борьбы сообразно этапам революций.

Вдохновителем «братства» до 1922 года являлся видный политический деятель царской России черносотенец митрополит Вениамин. Непосредственными орга- низаторами «братства» были братья — иеромонахи Лев и Гурий Егоровы, архи- мандрит Иннокентий Тихонов и иеромонах Варлаам Сацердотский.

Следствием деятельности «братства» явились массовые крестные ходы-де- монстрации по улицам г. Ленинграда и его пригородов; массовая к.р. агитация; распространение погромных прокламаций, массовые выступления против Со- ветской власти черносотенцев, торговцев и кликуш в Александро-Невской лавре, сопровождавшиеся набатным звоном, нападением на отряд красноармейцев и убийством политрука⁴.

2. Это, как и многие другие утверждения в обвинительном заключении, является чистым вы- мыслом.

3. Обвинительное заключение по второй группе обвиняемых (51 человек) от 15 марта 1932 г. содер- жится в первом томе «дела Александро-Невского

братства» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. Арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 1. Л. 275–289).

4. Никакого убийства «политрука» во время защиты Лавры верующими от попыток захвата ее помещений в январе 1918 г. не было.

При попытке организовать массовое сопротивление изъятию церковных ценностей в 1922 году — руководители «братства» были арестованы и осуждены к заключению в концлагерь и высылке на разные сроки⁵.

В 1925–26 гг. прежние руководители «братства», отбыв наказание, возвращаются в Ленинград и постепенно начинают работать над оформлением организации применительно к изменившимся условиям. К 1930–31 гг. организация во главе со Львом Егоровым, Варлаамом Сацердотским, Марковичем, Эссеном и Ляпуновым начинает новыми способами осуществлять широкую программу к. р. деятельности.

В целях большой конспирации, организация разделяется на четыре группы, захватывает в Ленинграде 4 церкви и превращает их в базы организационной работы и а/советской агитации. Варлаам Сацердотский группирует членов «братства» под видом прихожан «Алекса́ндро-Невской Лавры»; Лев Егоров руководит деятельностью братства, как настоятель Федоровского храма; иеромонах Вениамин Эссен становится настоятелем Тихвинского храма в Лесном; Сергей Ляпунов обосновывается на правом берегу Невы в Киновии.

Члены «братства» (всех четырех групп) устраивают совместные выезды в филиалы и монастырские подворья области (Макарьевский монастырь, Сергиева пустынь, Кикеринский монастырь и др.), а также в общежития тайно монашествующих членов «братства» — в Петергофе, Вырице и Любани.

Совместными выездами члены братства преследуют две цели:

1. Организация нелегальных собраний в условиях конспирации;
2. Обработка молодежи в монашество в местах его наибольшего скопления.

Нелегальные собрания «братства» в Ленинграде происходят по квартирам Льва Егорова, Киселева, а также в тайно-монашеских общежитиях на Конной ул. и на Гончарной.

Благодаря исключительному прозелитизму тайно монашествующих членов «братства», а также их сравнительно высокому общеобразовательному уровню и большим связям в светской среде, состав организации к 1932 году значительно пополняется за счет, главным образом, учащейся в техникумах и ВУЗах молодежи.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ

В социальном отношении организация представляла собою ярко выраженное сочетание враждебных революции церковно-монархических элементов из среды различных общественных прослоек и групп, потерявших в революцию свое при-

5. Члены Александро-Невского братства не только не организовывали сопротивления изъятию церковных ценностей весной 1922 г., но и без всяких эксцессов передали членам специальной

комиссии ценности Крестовой митрополичьей церкви, при которой в то время существовало братство.

вилегированное положение. Как правило, за исключением обслуживающего персонала Окт. жел. дороги, рабочие отсутствуют.

Руководящее ядро организации состояло из явных и тайных монахов, принявших монашеский постриг после Октябрьской революции (Эссен, Маркович, Сацердотский, Ляпунов и др.).

Возрастной состав организации колеблется от 18 до 50 лет. Основная масса состоит из лиц в возрасте от 25 до 40 лет. Дети б. князей, генералов, офицеров, государственных чиновников, священников и торговцев — таков основной социальный контингент организации.

Вновь завербованные в организацию относятся к молодежи, учащейся в медицинских, средних и высших учебных заведениях, техникумах и школах 2-й ступени.

Арестованные в количестве 41 чел. члены организации распределяются следующим образом: монахов и монахинь — 18 ч. (из них тайных — 5).

Из общего количества обвиняемых: мужчин — 17 чел., женщин — 24.

По своему соц. происхождению обвиняемые распределяются:

дворян	21 чел.
духов. звания	6
купцов	2
почет. граждан	2
детей чиновников	5

Остальные относятся к мещанам и выходцам из крестьянской среды.

14 обвиняемых имеют высшее образование, 6 низшее, а остальные окончили гимназии или патриотические школы.

СИСТЕМА РУКОВОДСТВА ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Все члены организации были связаны между собою системой постоянного руководства и строжайшей дисциплины.

Во главе организации стояла «пятерка» в составе:

1. Архимандрита Егорова, Льва Михайловича,
2. Архимандрита Сацердотского, Варлаама Михайловича,
3. Иеромонаха Эссена, Владимира Михайловича
4. Иеромонаха Ляпунова, Бориса Сергеевича
5. Профессора (он же тайный монах) Марковича, Вас. Вас.⁶

В функции «пятерки» входило руководство всей деятельностью организации, как в области организационной, так и в области агитационно-пропагандистской. Помимо этого «пятерка» поддерживала тесную связь с осужденными за к. р. де-

6. Профессор В. В. Маркович никогда не принадлежал к руководителям братства.

тельность прежними руководителями и рядовыми членами «братства», путем посылки в места заключения и ссылки специально выделенных для этого членов организации (М. Шмидт, К. Селюгина, О. Волкова и др.).

Руководящая «пятерка» осуществляла руководство организацией в двух направлениях:

I. По линии использования легальных возможностей общественно церковной деятельности, как-то:

1. организация строго уставных монастырских служб,
2. хоровых спевков и собраний хора,
3. собраний церковной двадцатки,
4. собраний прихожан и использование системы духовного руководства («отчества»).

II. По линии нелегальной, в условиях строгой конспирации:

1. Нелегальные собрания по квартирам,
2. выработка тайных уставов нелегальных монашеских общежитий,
3. система руководства под видом монашеских послушаний,
4. инструктаж филиалов под видом загородных прогулок.

Деятельность «братства» носила строго плановый характер и совершалась по тому или иному уставу, выработанному на основе общей программы деятельности организации⁷.

I. «Служение богу» —

1. Молитва церковная — обязательное посещение храма во все воскресные, праздничные и по возможности в будничные дни.
2. Молитвы домашние — утренние и вечерние и послушания, налагаемые духовником.
3. Чтение и изучение слова божия.
4. Изучение свято-отеческой литературы.
5. Занятия богословскими вопросами в научн. освещении.

II. «Служение ближним»

1. Помощь больным, как своим, так и чужим; помощь медицинская, материальная и моральная (беседы, утешения).
2. Занятия с детьми — величайшее дело, в настоящее время приобретающее исключительную важность и значение.
3. Помощь заключенным.

⁷ Централизация руководства, организованность и планомерность братской деятельности в обвинительном заключении резко преувеличены.

III. Комментарии к программе

1. Все светское и мирское, поскольку оно не является требованием необходимости — запрещается совершенно.

2. Если все светское и мирское запрещено, то необходимо создать свою жизнь, свой быт, где могли бы найти выход те разнообразные силы, которые скрыты в отдельных членах семьи.

3. Религиозно-интеллектуальные запросы найдут разрешение в совместной работе религиозно-философских кружков.

(см. л. д. № Л. веществ. док. 23)

В общем, руководство носило деспотический характер с элементами не только контрреволюционной направленности, но изуверства.

Формулированная кратко цель организации в свете задач и методов руководства сводилась к борьбе за отрыв масс от революционной действительности и созданию общественного движения против Советской власти и коммунистической партии⁸.

...«К 1932 г. руководимое мною “Александро-Невское братство” распалось на части. Одна помещалась на Конной, остальные члены концентрировались в Федоровском храме, в Лавре, в Киновии и в Лесном. Общежитием на Конной я руководил после ареста архимандрита Гурия. Общежитием в Петергофе я не руководил, бывал там только на праздниках. Жизнедеятельность “братства” проявлялась: а) в общинной жизни; б) в уставных богослужениях; в) в хоро-вых спевках; г) в организованной помощи заключенным, главным образом, прежним руководителям “Александро-Невского братства”; д) в помощи больным материальной и моральной; е) в организации посещений монастырей. Руководителями братства в это время были кроме меня Лев Михайлович Егоров и Вениамин (он же Эссен Владимир Михайлович)». (показ. обвин. Сацердотского, см. л. д. № 23)

...«В настоящее время деятельность “братства” кроме общежитий протекает, главным образом, в Федоровском храме под руководством архимандрита Льва Егорова. Причем, сам Лев Егоров, сознавая что “братство”, сохранившее свою цельность и действующее в храме под видом хора, слишком скомпрометировано в глазах советских органов, всячески старался затушевать признаки братства вплоть до запрещения называть себя “братьями” и “братчицами”». (показ. обвин. Мещерского см. л. д. № 281)

...«В 1922 г. “братство” наше было ликвидировано и с тех пор по настоящее время продолжает существовать нелегально. В число членов «братства» кроме меня входят: Костецкая Ольга Иосифовна, Шмидт Мария Карловна, Киселева Вера Николаевна, Киселев Николай Николаевич, Нелидова Ольга Георгиевна, Степанова

8. Всякая политическая антисоветская деятельность была чужда братству.

Клавдия Ивановна, Мейер Лидия Александровна, Хаккевиц Наталья Густавовна, Григоращенко Пелагея Ивановна и др.». (показ. Маракушиной см. л. д. № 173)

...«Наше общежитие на Конной ул. являлось лишь частью Александро-Невского братства, общее количество членов которого достигало ко дню моего ареста не менее 70 человек. Члены братства по возможности стремились устраивать свою жизнь совместно и жить по правилам, выработанным Гурием Егоровым, а впоследствии дополненным и расширенным Варлаамом Сацердотским. Правила эти сводились к следующему:

1. Служение богу и помощь церкви, как денежная, так и личным трудом.
2. Служение ближним, путем оказания медицинской, моральной и материальной помощи.
3. Занятия с детьми по закону божьему.
4. Помощь заключенным». (показ. Борисовой см. л. д. № 341)

...«Хотя я и являлся с 1929 г. руководителем “братства” и общежития на Конной, я в своей деятельности допускал руководство нелегальными религиозными организациями лишь потому, что не знал о противозаконности этого. Вину свою признаю и прошу снисхождения». (показ. Сацердотского см. л. д. № 22)

...«Деятельность “братства” заключалась в организации богословского просвещения путем индивидуальной обработки верующих, а также и кружковых занятий с молодежью: совместных хоровых спевков и организационной помощи заключенным <...>».

...«Касаясь характеристики политической физиономии “братства” должен заметить, что у значительной части членов его, антисоветские настроения вытекали из несогласий с а/р. политикой Соввласти. Конечной целью членов руководящего много “братства” было духовное самоусовершенствование, путем полной преданности церкви. Наиболее религиозно настроенные члены братства организовали монашеские общежития, целью которых было подготовить себя и жить иноческой жизнью, оставаясь в миру». (показ. Сацердотского см. л. д. № 21)

...«Дополнительно, касаясь новых форм деятельности “братства”, должен особо отметить индивидуальную обработку путем духовничества, которое некоторыми приравнивалось к старческому руководству. Принимавший над собою “духовное отчество”, т. е. руководство того или иного священника обязывается исповедаться как минимум 4 раза в год, но некоторые исповедались по 3–4 раза в месяц. Значение исповеди для последующей индивидуальной обработки оказывалось особенно действенным, так как исповедующиеся у духовного отца обычно просят благословения и советуются даже по малейшим случаям и предприятиям в своей жизни». (показ. Мещерского см. л. д. № 282)

ПРАКТИЧЕСКАЯ К. Р. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

Тайное монашество и нелегальные монашеские общежития

Прикрываясь ссылками на невозможность в советских условиях осуществлять монашескую жизнь явно, идеологи организации, в развитие идей брошенных Антонием Храповицким в 1918 г. на «Всер[оссийском] Цер[ковном] Пом[естном] Соборе» призывали верующих к тайному монашескому послушанию, не порывая связей со светской жизнью и не меняя светского облика. Тайное монашество имело целью выработать преданных церкви людей, ведущих борьбу с советской властью, прикрываясь маской лояльности.

Члены организации, тайные монахи и монахини работали в ВУЗах, научных учреждениях, больницах, а также имели связь с колхозами и совхозами.

Идеологами и обоснователями тайного монашества были: архим. Егоров Лев Михайлович и профессор ботаники (тайный монах Нестор) Маркович Василий Васильевич.

Основные пункты устава тайного монашества, написанные Марковичем, гласят:

1. Тайное монашество есть вынужденный путь христианского спасения в условиях советской действительности.
2. Идеалы тайного монашества те же что и явного.
3. Тайное монашество не может быть мыслимо вне связи с православной церковью.
4. Постриг и пребывание в монашестве держится в строжайшей тайне.
5. Тайный монах не должен менять своего светского облика и отставать от культурного роста страны.

...«Одним из способов укрепления церкви руководители считали тайное монашество, которое, по их мнению, должно было воспитать стойких, и решительных борцов за веру. Сообразно этому, круг лиц, группирующихся вокруг Льва Егорова, состоит преимущественно из интеллигенции и учащейся молодежи». (показ. обвин. Воеводина см. л. д. № 142)

...«Соблюдать правила монашеского послушания, внешне не порывая с миром, является особенно важным при ликвидации монастырей. Для того, чтобы соблюдать правила монашеской жизни, оставаясь в миру нужно: 1) обязательное руководство священника, 2) быть абсолютно верным православной церкви и не участвовать в расколах, 3) быть покорной гражданской власти до того момента, пока не требуется отречения от бога и церкви, 4) не порывая с миром, внутренне строго соблюдать заветы монашества». (показ. обвин. Аристовой, см. л. д. № 212)

...«Лев Егоров руководит духовными детьми, воспитывая из них активных, внутренне монашествующих, но не теряющих светского облика, борцов за церковь. Это относится, главным образом, к ученикам Егорова Льва мужчинам, кото-

рых он старается воспитать в монашеском духе для пополнения кадров духовенства». (показ. обв. Ивлева см. л. д. № 85)

Обвиняемый Маркович Василий Васильевич, профессор ботаники, научный сотрудник «Всесоюзного ин-та растениеводства», показал: ...«В 1921 г. будучи командирован Абхазским правительством в Новый Афон (с целью проведения опытов с огородными культурами и изучения лимонного и масляного дела), я принял тайное монашество с именем “Нестора”. Мое пребывание в монашестве тайно объясняется желанием работать и состоять на советской службе. В 1922 г. я принял второй постриг так назыв. «мантию», т. е. схиму». (см. л. д. № 47–48 Марковича)

...«В 1929 г. В. В. Маркович поставил мне условием совместного научного сотрудничества во Всесоюзном ботаническом ин-те прикладной ботаники — или выполнять послушно его наставления, или порвать с ним всякое общение. Послушание это заключалось в том, что я должна была постричься в тайные монахини. Я согласилась. Получив мое согласие, В. Маркович сговорился с архимандритом “Алекса́ндро-Невской Лавры” Феодосием, и мне было назначено время пострига». (показ. обвин. Дмитриевой см. л. д. № 247)

Не ограничиваясь насаждением тайного монашества в городе Ленинграде, организация внедряла тайное монашество в деревню, рассчитывая использовать для этого колхозы, коммуны и совхозы.

...«Колхозы объединяют массы крестьян в большие общежития, и задача духовенства — внедрить в эти общежития-колхозы христианство». (показ. обв. Ивлева см. л. д. № 85)

...«Колхозы объединяют большие массы крестьян, уничтожают в них чувство собственности и тем создают благоприятные условия для превращения их в “духовные христианские коммуны”. Сознавая, что открытое распространение христианства в настоящих условиях в колхозах невозможно, В. Маркович большое значение придавал тайному монашеству в колхозах. Летом 1931 г. В. Маркович получил сведения о существовании коммуны из тайных монахов, про которую он слышал от монахов Макарьевского монастыря. Коммуна эта находится на ст. Бакланка быв. Ярославской губ., и присвоила себе название “Коммуна им. Н. К. Крупской”». (показ. обв. Дмитриевой см. л. д. № 847)

Ставя себе задачей разложение колхозов путем организации в них тайного монашества, одним из руководителей организации Марковичем был написан устав тайного монашества, применительно к условиям колхозной деревни.

...«Устав “христианской сельскохозяйственной трудовой общины”, написанный мною в 1924 году, в настоящих условиях я считаю устаревшим и не пригодным. То обстоятельство, что я после восьмилетнего молчания и бездействия в этой области вновь заинтересовался уставом вытекает из следующего: будучи в Макарьевском монастыре в августе 1931 г., я узнал о существовании на ст. Бакланка б. Ярославской губ. общины верующих под именем “Коммуны им. Круп-

ской”, в которой члены-верующие христиане получали духовное руководство от скрывшегося в коммуны от ГПУ священника. Я об этом пожалел, и думаю, нельзя ли как-нибудь помочь такому положению, когда верующие христиане принуждены скрывать свои чувства. У меня явилась мысль, нельзя ли на легальных основаниях устроить такую коммуны, и какие должны быть ее основы. Я вспомнил тогда о своем уставе». (показ. обв. Марковича см. л. д. № 50)

...«Организатором нашего общежития была Нина Яковлевна Полякова, член “Александро-Невского братства”. Общежитие носило строго монашеский характер, с тою лишь разницей между монастырем, что не было тайных монахинь. Руководителем общежития являлся Варсанофий Веревкин, который каждую из нас благословил с молитвою, четками и монашеским пояском. Форму монашескую о. Варсанофий (дух. сын Варлаама Сацердотского) носить не велел, т. к. считал, что осуществлять монашеский обет в советских условиях можно только тайно». (показ. Заспеловой А. С. см. л. д. № 228)

...«Запрещалось читать советскую литературу, ходить в кино, театры, клубы и вообще не полагалось принимать участия в советской жизни. Среди “сестер” ходили разговоры о протоколах сионских мудрецов, в которых будто бы предсказано все, что сейчас делается». (показания Заспеловой см. л. д. № 228)

...«Вербовка в общежитие производилась индивидуальным путем, каждым членом общежития в отдельности. Вновь поступающие предупреждались о правилах внутреннего распорядка, и на собрании сестёр обсуждалась, принимая, кандидатура». «Правила внутренней жизни общежития гласят: 1) общность имущества, 2) общая комната, 3) общий стол, 4) общая молитва, 5) обязательное посещение церкви, 6) обязательное воздержание от посещений кино и театров, 7) воздержание от общественной работы, которая направлена к разрушению религии». (показ. обвин. Костецкой см. л. д. № 71)

...«Большинство проживающих в общежитии сестер, в том числе и я, считали монашество высшим идеалом христианского совершенства. Однако, осуществлять его благодаря политике Соввласти, направленной к ликвидации монашества, мы могли лишь внутри себя». (показ. обв. Борисовой см. л. д. № 340)

Подготовка церковных кадров и богословское воспитание молодежи

Подготовке богословски образованных церковных кадров и антисоветскому воспитанию молодежи организация придавала исключительно важное значение. В целях вовлечения молодежи в храм, откуда начиналась первая ступень воспитания, организация применяла разнообразные средства.

Материальная помощь учащейся молодежи, подыскание приезжающим из провинции на учебу помещений, помощь в занятиях по специальности — практиковались самым широким образом. Использовались также разнообразные психические особенности молодежи. Под видом вечеринок молодежь затаскивали на

вечера церковной самодеятельности; под видом экскурсий загород — в монастыри; под видом помощи в изучении диалектического материализма — протаскивались церковные идеи.

Член организации — педагог по русскому языку Баланович — дочь священника, выработала серию специальных конспектов по диамату, в которых законами диамата устанавливала божественность «св. троицы».

В отделе «Взаимопроникновение» ее конспектов говорится: «божественная благодать, уловленная свободно, сознательно человеком через его творческую деятельность, проникает материальный мир. “Да святится имя твое” — момент диалектики, момент движения». (см. л. д. №...)

Использовались также любовные влечения молодежи. Например, иеромонах Суторихин принял монашество под давлением организации сразу же после отказа одной из хористок стать его женой.

...«В настоящее время деятельность “братства” развивается в следующих направлениях:

1. Организация богословского просвещения молящихся путем церковных богослужений сугубо уставного характера и специальных проповедей.

2. Подготовка богословски образованных церковных кадров путем индивидуальной и групповой обработки верующих, особенно молодежи.

3. Подготовка и организация тайно монашествующих для укрепления церкви и подготовки священников, которые не были бы связаны семьей.

4. Организация самодеятельности верующих путем устройства общенародного пения во время службы, специальных хоров и т. д.

5. Организация материальной и моральной помощи высланному духовенству». (показ. обвин. Мещерского см. л. д. № 279)

...«Попадавшая в храм молодежь привлекалась к церковной деятельности следующим образом: заметив, что молодой человек или девушка часто ходит в храм, к нему присматривались более внимательно, а затем следовали беседы Льва Егорова или других лиц из актива, которые окончательно устанавливали содержание посещавшего. Затем предлагалась та или иная церковная работа, как участие в хоре при наличии голоса, помощь в уборке храма, прислуживание при архиерейских богослужениях и т. п.

В дальнейшем следовало «духовное отчество», т. е. духовное послушание и исповедь у постоянного духовника не менее 4-х раз в году. Работа по вовлечению в храм, а в дальнейшем и в «братство», носила до известной степени кампанейский характер. Периоды оживления совпадали с большими праздниками, говениями и постами. В последующем молодежь, обработанная и путем «духовного» воздействия со стороны духовника и посредством общения с членами братства, сама становилась достаточно активной, и, в свою очередь, вовлекала в церковный актив новых людей. В конечном итоге, молодежь все более проникалась прозелитизмом, иногда порывая все связи с советским миром, уходя в явное мо-

нашество, или молча протестуя против революции, относясь формально к своей Советской службе, всего себя отдавая церкви. Некоторые из моих знакомых по церкви считали грехом даже любую советскую работу. Из молодежи начинающей играть активную роль в религиозно-общественной жизни храма могу назвать Кушлю Анастасию Соломоновну, некая “Таня”, работающая или живущая в больнице им. Свердлова, которая являлась организатором молодежи, Шилинг Тамара и другие. По линии работы среди молодежи Карасевичем Георгием был выписан из Тамбова некий “Леня” (Алексей). Этот “Леня” быв. комсомолец, пришедший к церкви после конфликта с братьями». (показ. обв. Мещерского см. л. д. № 283)

Под непосредственным руководством Льва Егорова при Федоровском храме существовал кружок молодежи, работавший под видом «правого хора церкви».

...«Правый хор Федоровского храма состоит из молодежи и представляет собою тесно спевшийся кружок оторванных от советской действительности людей». (показ. обв. Кушлю см. л. д. № 436)

...«Среди молящихся особенно выделялся кружок молодежи, работающий под руководством Льва Егорова. Члены этого кружка устраивали спевки, собирались по квартирам, организовали Льву Егорову подарки — как, например, митру, монашеский пояс». (показ. обв. Клочковой см. л. д. № 117)

...«В кружке мы изучали религиозно-художественное творчество Достоевского, читали евангелие и жития святых. Занятия иллюстрировались картинками и диапозитивами на библейские — евангельские темы». (показ. обв. Грациановой см. л. д. № 121)

...«Моя религиозная деятельность, кроме пения в хоре, заключалась в том, что я проводила занятия по закону божьему с двумя ученицами: Никитиной Лидией и Вуйловой Серафимой». (показ. обв. Хаккевиц см. л. д. № 160)

...«Обработка светской учащейся молодежи носила организованный характер. Устраивались собрания, на которых читалась аскетическая литература. Руководство богословским и монашеским просвещением осуществляли Лев Егоров и также Варлаам Сацердотский. Широко применялась индивидуальная обработка. Обработка эта шла как по линии игры на материальных трудностях учащейся молодежи (подыскание угла для приезжающих из провинции, подыскание платных уроков, помощь продуктами, угощение обедами и т. п., так и по линии учета психических особенностей вербуемого в монашество. Например, Суторихин, как мне известно, недели за 2 до пострига сделал предложение одной из хористок Федоровского храма. Получив отказ, он, под влиянием окружающей монашеской среды, сразу же принял постриг». (показ. об. Мещерского см. л. д. 281)

Организация помощи репрессированному за к. р. деятельности духовенству

Показаниями обвиняемых, а также обнаруженными уставами «братства» установлено, что одной из основных задач «братства» являлась системати-

ческая материальная и моральная помощь арестованному и осужденному за к. р. деятельность духовенству (см. л. д. №...)

...«Помощь заключенным и арестованным осуществлялась организованно. Деньги и вещи собирались в общежитиях, в Федоровском храме среди отдельных прихожан, затем поступали к Селюгиной и Волковой для передачи Иннокентию, остальная часть передавалась Марии Шмидт, а после ее ареста Марии Васильевне Поляковой, члену «братства». Некоторая часть средств составлялась из отчислений «20-ки» Федоровской церкви, главным образом, из кружки, предназначенной для хора». (показ. обв. Костецкой см. л. д. № 73–74)

...«О сборах средств в помощь ссыльному духовенству мне известно. Происходило это следующим образом: Мария Степановна Маракушина или Ольга Костецкая обращались к правому и левому хорам с просьбой помочь заключенным, кто чем может. Собирали — кто, сколько даст: по рублю, по два и больше. Посылки готовились на Конной и отправлялись по заранее намеченным адресам». (показ. обв. Грациановой см. л. д. № 421)

Из показаний обвиняемых Маркович В. В. и Дмитриевой Н. А. видно, что значительная часть их бюджета шла на оказание материальной помощи заключенным.

...«Живую связь с осужденным епископ. Иннокентием Тихоновым я и Клавдия Селюгина поддерживали путем совместных выездов в Вологду, где в ссылке находился Тихонов. Возили мы Тихонову продукты и деньги». (показ. обв. Волковой см. л. д. № 125)

...«Для оказания помощи больным «братчицы» занимались в санитарных кружках и старались поступить в больницы, шли в медиц. учебные заведения, как Шура Грацианова, Тамара Шилинг. Кроме того, помогали семьям больных материально, ходили на дежурство и т. д.». (показ. Костецкой см. л. д. № 73)

Попытки установления связей с к. р. церковниками разных городов СССР и за границей

Руководители «Александро-Невского братства» имели регулярную связь с монахами различных районов Ленинградской области, монашескими подворьями и отдельными к. р. настроенными церковными деятелями разных городов СССР. Через соответствующие монашеские подворья в Ленинграде «братство» было связано с различными монастырскими центрами за пределами области. (Через Киевское подворье с киевскими монахами, Афонское — с Кавказом (Ново-Афон[ский] монастырь)).

Члены «братства», научные работники, использовали свои служебные научные командировки за границу также для организации связей⁹.

9. Это обвинение абсолютно ложно.

Главную роль в налаживании заграничных связей организации играл профессор Маркович В. В. и брат Льва Егорова, проф. энергетики Николай Егоров.

...«Братство имело тесную связь с монахами Макарьевской пустыни, Сергиевской пустыни на ст. Володарка, а также Черемнецкого и Кикеринского монастырей. Кроме того, по-видимому, были связи за пределами области. Варлаам Сацердотский ездил на Кавказ, и монахи имели постоянное пристанище в Москве. Для приезжающих из разных монастырей области и, главным образом, Макарьевской пустыни, в Ленинграде существует специальная продуктовая база у монаха Симона». (показ. обв. Мещерского см. л. д. № 279)

...«В 1930 г. через В. В. Марковича я получила научную командировку на Новый Афон и в Сухум, с целью изучения померанцевых цветений. Больше всего работать пришлось на Новом Афоне. Будучи в Новом Афоне я встречалась с тайным монахом Левицким, служащим в конторе совхоза «Пцырцха», монахом Трифоном, скрывающим свое монашество, монахом Артемием и тайной монахиней Ивановой Тамарой Георгиевной, сейчас перебравшейся в Тифлис». (показ. обв. Дмитриевой см. л. д. № 245)

...«По совету Марковича я хотела уехать в Палестину и поступить в один из женских монастырей. В качестве основания для моего выезда за границу, должна была служить научная командировка в Яфу. По существу моего поступления в Горный монастырь, мною было послано письмо председателю “Русской духовной миссии” в Палестине, архиепископу Анастасию, от которого был получен ответ о согласии принять меня в число монахинь монастыря. Однако, ничего из этого не вышло, т. к. проект В. Марковича почему-то не удался». (показ. обв. Дмитриевой см. л. д. № 245)

Следствием установлено, что Маркович В. В., будучи в заграничной командировке с 1926 по 1928 г., использовал отпущенные на командировку средства для посещения монастырей, установления связей с представителями белой эмиграции и тенденциозной информации их о положении церкви в СССР. Будучи в Палестине, В. Маркович общался в среде белогвардейцев-монархистов, как б. русский консул, архиеп. Анастасий и др.; будучи в Японии, Маркович знакомится с атаманом Семеновым; в Лионе — с белогвардейским офицером — председ[ателем] «Христиан[ского] студ[енческого] объединения», через которого в белогвардейских издательствах печатает свои, направленные против Соввласти, религиозные работы.

...«Обнаруженные у меня фотографии членов Русской православной миссии в Палестине, где и я заснят, изображают крестный ход в Иерусалиме в день Успения, где я случайно очутился. Знакомство мое с председателем Русской православной духовной миссии в Палестине архиепископом Анастасием произошло на религиозной почве. В подвории Палестинского православного общества я жил 2 1/2 мес., после чего выехал на остров Яву. Будучи в Индии, Китае и Японии, мне приходилось встречаться с русскими на съездах и в церквах, но политического

характера эти встречи не носили. Встречались главным образом на религиозной почве. Будучи в Японии в Нагасаки, я познакомился с женой атамана Семенова и 1 раз был у нее на квартире по вопросам религиозно-философского характера». (показ. обв. Марковича см. л. д. № 48)

РЕЗОЛЮТИВНАЯ ЧАСТЬ

Следствием полностью доказано, что существовавшее в г. Ленинграде в течение 1929–1932 года нелегальное «Александро-Невское братство», являлось оформленной церковно-монархической организацией.

Следствием также доказано, что «братство» в настоящее время, как и в первые годы своего существования, являлось передовым отрядом церковной контрреволюции, указывая православной церкви пути борьбы против пролетарского государства в условиях периода социализма <...>¹⁰.

Считая следствие по настоящему делу законченным и обвинение предъявленное всем обвиняемым, полагал бы:

1. Дело по согласованию со ст[аршим] пом[ощником] обл[астного] прокурора по надзору за органами ОГПУ — направить в Коллегию ОГПУ для внесудебного рассмотрения.
2. Вещественные доказательства, изъятые при обыске приобщить к делу.
3. Все ценности, отобранные у обвиняемых, конфисковать.

Уполномоченный 3 отд. СПО (Волков)

Нач. СПО (подпись)

Согласен: нач. СОУ (подпись)

АУФСБ СПб. Ф. Арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 434–464. Подлинник.

Источники

1. *Дело П-68567* = Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Фонд архивно-следственных дел. Д. П-68567. Т. 1–4.
2. *Дело П-77238* = Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Фонд архивно-следственных дел. Д. П-77283.
3. *Дело 431* = Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 10. Д. 431.

10. Пропущены краткие биографии обвиняемых.

4. *Мещерский* = Мещерский Н. А. На старости я сызнава живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. 170 с.

Литература

1. *Антонов* = Антонов В. В. Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 103–112.
2. *Зегжда* = Зегжда С. А. Александро-Невское братство : Добрым примером, житием и словом. Набережные Челны : Новости мира, 2009. 488 с.
3. *Краснов-Левитин* = Краснов-Левитин А. Э. Лихие годы, 1925–1941 : Воспоминания : [В 3 ч.]. Ч. 1. Париж : YMCA-Press, 1977. 456, [4] с.

M. V. Shkarovsky

The Alexander Nevsky Brotherhood's Martyrdom and Profession of Faith (according to archival records of the 1930s)

One of the most significant brotherhoods in the history of the Russian Orthodox Church was the Alexander Nevsky Brotherhood, which existed from 1918 to 1932 in St. Petersburg (Leningrad). Founded under the Alexander Nevsky Lavra, the Brotherhood brought together both the inhabitants of the monastery and the most devoted to the Church lay people of Russia's "Northern Capital". In the years of anti-religious persecution, the Brotherhood was the spiritual core of the diocese life. Its members were engaged into various activities such as worship, spiritual education, charity, theological research, etc. In 1932 the Unified State Political Department (OGPU) put an end to the Brotherhood. Nevertheless, most of its members showed courage and fortitude under investigation and in detention. The Alexander Nevsky Brotherhood left on the Russian Church history an imprint visible over the entire XX century. No other public church organization brought up so many bishops. Several of the Brotherhood members were canonised.

KEYWORDS: Russian Orthodox Church, Alexander Nevsky Brotherhood, anti-church repression, martyrdom, profession of faith.